

Рецензия на книгу:
Медушевский Н.А. Размышления о политике памяти.
[б.м.]: Издательские решения, 2019. 146 с.

Григорий Д. Галдилов
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ggaldilov@inbox.ru

Аннотация. В рецензии рассматривается книга доктора политических наук, доцента кафедры культуры мира и демократии РГГУ Н.А. Медушевского. Монография объединила в себе шесть авторских работ, посвященных проблематике исторической памяти и ее политической интерпретации.

Ключевые слова: Россия, историческая память, политика, место памяти

Для цитирования: Галдилов Г.Д. Рецензия на книгу: Медушевский Н.А. «Размышления о политике памяти». [б.м.]: Издательские решения, 2019. 146 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». Выпуск № 3. 2020. С. 141–148. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-141-148

Book review: Medushevskii, N.A. (2019),
Thoughts about the politics of memory,
[s. l.]. Izdatel'skie resheniya, Russia

Grigorii D. Galdilov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, ggaldilov@inbox.ru

Abstract. The review considers the book by N.A. Medushevskii the doctor of political sciences, associate professor in the department of the peace and democracy culture with RSUH. The monograph combines six works of authorship devoted to the problematic of historical memory and its political interpretation.

Keywords: Russia, historical memory, political sciences, memory place

For citation: Galdilov, G.D. (2020), “[Book review]: Medushevskii, N.A. (2019), ‘Thoughts about the politics of memory’ [s. l.]. Izdatel'skie resheniya, Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. Political Science, History, International Relations Series*, no. 3, pp. 141-148, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-141-148

Введение

Монография Николая Андреевича Медушевского посвящена актуальным вопросам современности – проблемам политики памяти, – остро встающим на повестку дня последнее десятилетие.

Книга являет собой целую систему, выстроенную автором в понимании не только исторической памяти, но и того, как она трансформируется в политическом пространстве. Нельзя однозначно сказать, что является основным предметом работы: им может выступать и трансформация политического, и исторический контекст или, быть может, сама историческая память. В работе присутствует целый комплекс проблем, которые по-своему являются отдельными темами, но в то же время не могут существовать друг без друга. Именно поэтому, рассматривая данный труд, не стоит брать одну «призму исторического» или применять только «политические методики» анализа. Лишь их синтез позволит взглянуть на данную монографию под нужным углом.

Современному ученому, рассматривающему любые проблемные точки, не следует упускать из виду фактор глобализационного воздействия. Работая в условиях, когда глобальные тенденции противостоят региональным и локальным, политика памяти в руках исследователя может превратиться из объекта изучения в самое настоящее орудие, инструмент, способный повлиять на исторический контекст. И тогда знаменитое изречение Антона Дрекслера уже приобретет иной смысл, который, однако, под влиянием все той же «исторической памяти» будет склоняться в ту или иную сторону.

Неслучайно конец XX в. стал временем, когда политика памяти начала набирать популярность и все чаще вставать на повестку международных дискуссий, далеко выходя за пределы кулуарных обсуждений. А такие формы коммуникации, как радио, телевидение, а затем и интернет, сделали этот вопрос достоянием общестственности. Н.А. Медушевский специально акцентирует внимание на том, что хоть осмысление памяти в обществе стало открытым, тем не менее, с другой стороны, память превратилась в орудие, которое успешно используется крупными общественными и политическими машинами.

Таким образом, сложившись воедино, все эти вопросы встают на повестку дня политических элит, чувствующих, что устои региональных и глобальных интеграций уже не являются монолитными столпами стабильности. Именно под этим воздействием начинают давать трещины и достаточно устойчивые политические системы, например федеративного типа.

Очевидно, что несомненная актуальность поднимаемой исследователем проблемы тесно переплетается с актуальностью культурной, социальной и политической, ведь именно сейчас Европа и, в частности, Россия находятся в ситуации, когда диалог относительно исторической памяти оказывается «*conditio sine qua non*» современной повестки дня.

Политика памяти или политика вызовов

В одной из статей сборника Н.А. Медушевский рассматривает важный вопрос современности: является ли политика памяти актуальным вызовом для регионального развития? В качестве своего научного собеседника автор выбрал знаменитого аргентинского социолога и общественного деятеля Элизабет Джелин [Jelin 2002], которая поставила на мировую повестку дня вопрос развития и укрепления исторической памяти близких друг к другу стран, так называемого Южного Конуса, подвергшегося воздействию «*Guerra Sucia*»¹.

Многие годы, даже поколения, в историко-политическом пространстве стоит вопрос: а может ли нация существовать без исторического контекста [Хобсбаум 1998; Хобсбаум 2004]. Конечно же, нации, народы, любые этнические группы, как разобщенные, так и единые, не могут существовать без прошлого, без осмысления себя в том или оном историческом контексте. Как справедливо подмечает Н.А. Медушевский, «самовосприятие отдельного этноса и народа тут же становится ангажированным», а происходит это отчасти из-за того, что общество нуждается в «мифологизации и идеализации прошлого» [Медушевский 2019, с. 3–5]. Современное общество, изучая примеры прошлого, становится еще более продвинутым, и проблемы искажения исторического контекста выходят далеко за пределы региональных образований, становясь проблемой межгосударственной и, что более важно – общенациональной.

Приводя примеры Э. Джелин, автор говорит о том, что «носители памяти» – это главные верификаторы взглядов и убеждений общностей, влияющих на международную повестку. Разумеется, историческая память народа – вещь пассивная, лишь иногда она актуализируется и становится катализатором процессов, которые чаще всего в общественной и научной сферах называют «кризисы». Вспомнить хотя бы коллапс исторической науки рубежа XX–XXI вв. [Логунов 1996]. Именно в этих спорных точках историческая память стано-

---

¹ *Guerra Sucia (исп.)* – Грязная война.

вится консолидирующим моментом, который предоставляет возможность осмыслить все процессы в совокупности.

Собственно, региональные исторические события как объект исследования и моделирования исторической памяти выводятся Н.А. Медушевским на первый план, акцентируя внимание на том, что изучение Э. Джелин вопросов внутренней политики Южного Конуса в отечественной науке может лечь в основу схожих процессов, происходящих на постсоветском пространстве. Через интерпретацию политики памяти в работах латиноамериканских исследователей, становится возможно рассматривать иные региональные практики, ставшие центром формирования политики памяти между Россией и ее ближайшими соседями.

В данной связи очевидно, что при изменении политической повестки крайне актуальным для региона становится реанимированное восприятие общего прошлого.

Историческая память как инструмент воздействия

Говоря об исторической памяти, не стоит забывать и об еще одном схожем явлении – «мемориальной политике». Н.А. Медушевский специально делает акцент на том, что именно трансформация принципов и структуры политики памяти происходит во всех странах и регионах мира без исключения. Однако если во многих странах западного мира политика памяти приобрела различные очертания, то в России образ официальной модели исторической памяти крайне абстрактен. Именно поэтому ставится вопрос: а проводит ли государство осознанно централизованную политику памяти?

Ответ не так однозначен, хотя стоит совершить оговорку, что трансформация тех или иных событий приобретает в различных слоях абсолютно разный рельеф восприятия. Для более объективной оценки памяти стоит рассматривать состояние общества или его элементов от исходной точки того или иного явления, которое является своего рода катализатором изменений. Здесь важна связь поколений и сохранение информации в ее первоизданном виде, на основе которых и будет конструироваться мемориальная политика. Однако так ли это на самом деле?

Автор точно подмечает, что чем дальше события находятся от наблюдателя, тем больше возрастает уровень искажения первичной картины, что еще больше актуализирует конфликтный потенциал воспоминаний [Медушевский 2019, с. 5–8, 86]. В таких

условиях и возникает плодородная почва для проблемы оценки искажения фактов. Мировая история знает множество примеров коллапса мемориальной политики, в особенности спорных исторических личностей, коими для России являются Петр I, Иван IV Грозный, И.В. Сталин и др. В качестве подтверждения своих слов Н.А. Медушевский подробно рассматривает проблему установки памятника Ивану Грозному в Омске.

Говоря о пересмотре исторических представлений, главное значение приобретает не только сам рассматриваемый прецедент, но также и суть данного феномена. Исходя из этого возникают два важнейших фактора, влияющих на политику памяти, – феномен системности и фактор комплексности, которым в статье уделено особое внимание.

Конечно же, в современном информационном обществе политика памяти – это тренд визуализации истории. Каждому независимому участнику процесса создания памяти хочется верить, что именно его правда является истинной, однако так ли это на самом деле? Возможен ли такой сценарий в принципе? Ответы на эти вопросы найти не так легко, несмотря на их кажущуюся простоту. Возьмем хотя бы такой феномен, как «места памяти», возможно ли говорить однозначно об их правдивости, необходимости, востребованности? Недаром автор подводит читателя к закономерному выводу, что современная отечественная мемориальная политика находится в самом начале своего пути, в связи с этим переработка ценностей и их материального воплощения неизбежна.

«Большая история» в контексте современности

Вопрос создания «большой истории» не раз выходил на повестку исторического знания. Однако этот процесс таит в себе множество подводных камней, которые окажутся на пути у исследователей. Одним из таких порогов неминуемо станет историческая память – символ коллективной идентичности. Будет ли она одинакова для всех этносов, проживающих на огромной, «большой» территории? Ответ очевиден – нет.

Факт принадлежности одного «места памяти» исторической памяти нескольких групп создает опасную конфликтогенную ситуацию, которая тем не менее все же нормальна в сфере политики самоидентификации.

«Когда читаешь рассказы путешественников, кажется, будто на тебя идут все звери земли разом» [Броделб 2007]. Именно с такой

же проблемой может столкнуться исследователь, размышляющий о политике памяти. А множественные споры заставят всех участников неминуемо прийти к одному общему выводу, что любая дискуссия о конфликтах сводится к совокупности тех или иных оценок доказательств того или иного факта.

Именно поэтому Н.А. Медушевский закономерно ставит несколько основополагающих вопросов на повестку дня. Например, почему для России столь важна, но невозможна универсальная национальная история?.. Ответа на этот вопрос вы не найдете в тексте, так как автор оставляет его открытым, для каждого исследователя он будет разным.

Заключение

Формирование политики памяти очень сложная и многоуровневая проблема современности. В середине XX в. историческое пространство было «взорвано» ошеломляющим успехом труда французского историка Эммануэль Ле Руа Ладюри «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)». По всему миру звучали восторженные отклики, его работу даже называли «триумфом искусства историка» [Schlesinger 1976]. Но является ли эта работа раскрывающей феномен политики памяти? Вряд ли, ведь у Ладюри отсутствует самое важное – властный институт, контролирующий или формирующий интеллектуальный контекст, но при этом присутствует важнейший для памяти фактор – «безмолвствующее большинство» – необразованные крестьяне из деревни Монтайю.

Изучая другой труд [Булдаков 1997], который уже на излете XX в. занял одну из знаковых позиций в отечественной историографии, стоит обратить внимание на следующую цитату, которая вполне уверенно чувствует себя и без контекста: «Человеческая память имеет обыкновение подверстывать прошлое к тому или иному масштабному событию. Поэтому важно найти другую – метасобытийную реальность...» [Булдаков 1997, с. 14].

В современном мире политика памяти – это не менее важный фактор формирования исторического контекста, что показывает нам анализ статей Н.А. Медушевского. Необходимо создать новый диалог культур с различной степенью сакрализации мышления, создать почву для социальной дискуссии. Совместить память «безмолвствующего большинства» и найти новую «метасобытийную реальность». Однако следует помнить, что коллективная память –

это всегда память разделенная, которая никогда не сможет быть единой. Этот принцип разделения должен поддерживаться неукошнительно, и, быть может, тогда и возникнет то самое поле для «размышлений о политике памяти».

Литература

- Бродель 2007 – *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь мир, 2007. 752 с.
- Булдаков 1997 – *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Росспэн, 1997. 373 с.
- Логунов 1996 – *Логунов А.П.* Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80-х – начала 90-х гг. // Советская историография. М.: РГГУ, 1996. С. 447–487.
- Медушевский 2019 – *Медушевский Н.А.* Размышления о политике памяти. [б.м.]: Издательские решения, 2019. 146 с.
- Хобсбаум 1998 – *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.
- Хобсбаум 2004 – *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Изд-во «Независимая газета», 2004. 632 с.
- Jelin 2002 – *Jelin E.* Los trabajos de la memoria. Madrid, 2002. 156 p.
- Schlesinger 1976 – *Schlesinger A.M., Jr.* Review «Montaillou, village Occitan» // The New York Times. 1976.

References

- Medushevskii, N.A.* (2019), *Razmyshleniya o politike pamyati* [Reflections on the memory policy], [s.l.]. Izdatel'skie resheniya, Russia.
- Braudel, F. (2007), *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle*, En 3 vols., Vol. 1: Les structures du quotidien, le possible et l'impossible, Ves' mir, Moscow, Russia.
- Buldakov, V.P. (1997), *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red Strife. The nature and consequences of revolutionary violence], Rosspen, Moscow, Russia.
- Logunov, A.P. (1996), “Crisis of historical science or science in the conditions of social crisis. Soviet historiography of the second half of the 80s – early 90s”, *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet historiography], RGGU, Moscow, Russia, pp. 447–487.
- Hobsbawm, E.J. (1998), *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nations and Nationalism since 1780. Programme. Myth. Reality], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.

- Hobsbawm, E.J. (2004), *Epokha krainostei: Korotkii dvadtsatyi vek* (1914–1991 [Age of Extremes. The short twentieth century (1914–1991)], Izdatel'stvo Nezavisimaya gazeta, Moscow, Russia.
- Jelin, E. (2002), *Los trabajos de la memoria*, Madrid, Spain.
- Schlesinger, A.M. Jr. (1976), Review «Montaillou, village Occitan» // The New York Times. 1976.

Информация об авторе

Григорий Д. Галдилов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ggaldilov@inbox.ru

InformaInformation about the author

Grigorii D. Galdilov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; ggaldilov@inbox.ru